

Кроме того, строительство городских и пригородных железнодорожных линий осуществляется смешанными компаниями, созданными государственным (муниципальным) и частным капиталами. Они активно участвуют в создании современного городского транспорта (включая монорельсы, легкий трамвай, легкое метро и т. д., за которыми стоит большое будущее). Последнее становится актуальным в виду таких вызовов человечеству, как ухудшение окружающей среды, особенно характерное для городов, глобальное потепление, старение населения, перегруженность городских автодорог. В связи с этим не удивительно, что частные и приватизированные железнодорожные компании расширяют свою деятельность по развитию общественных городских перевозок автобусами. Общественный городской транспорт становится все более популярным в Японии.

ближнее межгородское сообщение. Их центральные офисы находятся в Токио, Осака, Нагоя и Фукуока. Критерием выделения крупных компаний является не длина железнодорожных линий и даже не пассажирооборот. Например, протяженность железнодорожного полотна присоединившейся в 1990 г. к 14 основным крупным компаниям частной железнодорожной компании «Сотэцу» составляет лишь 35 км. Основой для разграничения железнодорожных компаний служит размер их капитала, а финансовый успех зачастую зависит от степени диверсификации экономической деятельности. Общим для всех этих компаний является то, что они возникли в первой четверти XX в. как железнодорожные компании, укрупнились и диверсифицировали свою деятельность. Все крупные железнодорожные компании состоят из материнской компании и множества дочерних компаний и представляют собой группу компаний.

Роль государственного регулирования в экономике Японии (по материалам исследований российских ученых «застойных времен»)

Н. П. Тебин

Рецензии пишутся для того, чтобы обратить внимание читателей на ту или иную публикацию. Обидно, если это внимание не было привлечено вовремя. Мировой финансовый кризис, разразившийся в 2008 г., вызвал вспышку интереса к марксизму. Никто не отвергает роль марксизма в разрешении противоречий капитализма и в тех социальных сдвигах, которые произошли в мире за полтора столетия. Но и сами эти сдвиги вызвали необходимость по-новому взглянуть на новые глобальные противоречия, возникшие в мире. Их давно предвидели российские ученые.

«Зачем ты хранишь эти мумии?», – спрашивают друзья, глядя на мои книжные полки с работами по политэкономии «застойных времен». Читая работы тех лет, я учусь умению настоящих ученых в условиях всевластия догматизма озвучивать свои мысли и идеи, давать свои оценки. Восхищаюсь предисловиями экономиста Я. А. Певзнера к сборникам коллективных трудов своих коллег. Подобные предисловия в то время не могли выйти без упоминания «марксистско-ленинской методологии». Певзнер, не начетнически, а по-научному глубоко изучивший теорию Маркса, мог убедительно показать, что еще верно в теоретических выкладках марксизма, которые можно использовать, а что нуждается в изменениях.

Честные добросовестные ученые даже в таких научных организациях, как Институт международного рабочего движения АН СССР, еще до начала перестройки пытались отойти от догм марксизма и дать оценку основных противоречий в мире с точки зрения здравого смысла. Так, в коллективной монографии «Рабочий класс и общественный прогресс» В. Загладин в своем очерке «Историческая миссия рабочего класса и современное рабочее движение», пишет, что «каждый общественный класс, выходящий на арену исторического действия, решал свои совершенно конкретные задачи, содержание которых определялось объективными потребностями соответствующей эпохи общественного развития. Такие задачи имела, разумеется, и буржуазия – последний эксплуататорский класс в истории человечества. Эти задачи, а тем самым и свою историческую миссию буржуазия в основном выполнила на протяжении XIX в.»¹.

¹ Загладин В. Историческая миссия рабочего класса и современное рабочее движение. – Рабочий класс и общественный прогресс. М., 1980, с. 17.

Правда, какие «совершенно конкретные задачи» решила, какую «историческую миссию» выполнила и куда делась буржуазия, автор не раскрывает. Ниже он пишет, что с развитием общества социальное противоречие капитализма «труд – капитал» на империалистической стадии сменяется противоречием «монополии – народ»². И делает вывод: если противоречие «труд – капитал» находит свое разрешение в социалистической революции, то разрешение противоречия «монополии – народ» предполагает демократические преобразования, т. е. ликвидацию монополистической собственности и создание такой системы власти, при которой «обязательным является лишь одно – недопущение к кормилу правления монополистического капитала»³. Удивительно, как близко этот вывод перекликается с положениями программных документов правившей уже более полувека Либерально-демократической партии Японии (ЛДП).

В. Загладин пытается защищать «реальный социализм», но в наши дни это уже не актуально. Но вот его вывод о наличии противоречий в связке «монополии – народ» еще достаточно актуален, как и обязательное условие: не допустить к правлению монополистический капитал.

Мало кто в наши дни возражает против необходимости перехода российского общества от авторитаризма и диктатуры в любой форме, в том числе и от однопартийности, к цивилизованному обществу, основанному на сочетании политической демократии с конкурентно-рыночными отношениями. Правда, употребление здесь термина «цивилизованное общество» не очень правомерно, скорее следует говорить о «постиндустриальном обществе», а в нем место, роль, да и сам характер рабочего класса, главной категории марксизма, давно не те, что были полтора века назад.

Цель ясна, примеров государств, где уже сформировались «постиндустриальные общества» много. Их берут за идеал, споры идут о путях достижения этой цели Россией. В спорах выделяются сторонники крайних точек зрения. Кто-то считает, особенно сейчас при кризисе, что рыночная экономика – это вчерашний день, что рынок как регулятор экономики малоэффективен. Поэтому нужно все, в крайнем случае, крупные производства, передать в руки государства.

С другого фланга призывают к продолжению рыночной «шоковой терапии», к скорейшей и неограниченной свободе рыночных отношений, применяя не совсем корректное сравнение с «укорачиванием хвоста у собаки в несколько приемов». Вернее было бы говорить, что «для родов здорового ребенка нужно его вынашивать девять месяцев и в нормальных условиях».

Участники дискуссий почему-то весьма мало уделяют внимания тому, что каждая из стран, относимых ими к разряду цивилизованных, шла к

² Там же, с. 23.

³ Там же, с. 24.

этому статусу своим путем, по большей части столетиями со многими этапами. Путь и этапы определялись многими конкретными факторами – географическими, демографическими, историческими и др. Сейчас важно взять все, что подходит нам из опыта цивилизованных стран. Чаще всего в качестве образцов приводятся развитые страны Европы и США. Возьмем на себя смелость утверждать, что Япония, которая всего за несколько десятилетий прошла перестройку от тоталитарного режима к постиндустриальному обществу, для России – наиболее наглядный пример.

Для того чтобы многое из изложенного ниже было проще понимать, приведу некоторые теоретические позиции упоминавшегося выше Я. А. Певзнера. Правда, наши политики редко прислушиваются к рекомендациям и выводам теоретиков. Они сразу приступают к практике. Еще в 1995 г. в коллективной монографии «Эволюция политической системы Японии» в статье «Политический фактор в современном конкурентно-рыночном хозяйстве: опыт Японии» он писал: «Перед лицом теории и практики двух последних столетий вся история общества предстает не как провозглашенные Марксом и Энгельсом борьба классов и смена формаций, но как история начавшейся вместе со становлением человеческого общества и никогда ни в прошлом, ни в настоящем, ни в сколь угодно отдаленной перспективе не прекращающейся борьбы между монополией и конкуренцией (курс.наш. – Н. Т.) во всех сферах общественной жизни – при огромном многообразии форм этой борьбы»⁴. В экономике борьба между монополией и конкуренцией идет на рынках. При этом рынок определяется Певзнером не как нечто законченное, а как «механизм развивающийся, совершенствующийся в ходе непрерывных столкновений рыночных и антирыночных, демократических и диктаторских сил». В то же время при большом разнообразии форм собственности решающую роль играет не сам характер собственности, «а его взаимодействие с такими категориями, как владение, распоряжение, пользование и управление»⁵.

Максимальная же эффективность «достигается не на основе “чистого рынка”, “чистой конкуренции”, какими они предстают в соответствующих, обязательных для теории моделях, а в виде такого сочетания, при котором неконкурентные, регулирующие, а в некоторых случаях также и монопольные факторы, будучи необходимыми, подчинены цели поддержания и укрепления конкурирующего начала»⁶. Далее автор подчеркивает, что «в достижении такой цели главная и решающая роль принадлежит демократическому парламентскому общественному строю», который противостоит монопольным силам.

⁴ Певзнер Я. А. Политический фактор в современном конкурентно-рыночном хозяйстве: опыт Японии. – Эволюция политической системы Японии. – М., 1995, с. 71.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 71.

Певзнер писал свою статью на основе опыта послевоенного развития Японии, а оно строилось не по волюнтаристской воле представителей правящей элиты, а с учетом прогнозов и рекомендаций ученых. Японские политики в наши дни принимают решения только после изучения проблем в специально формируемых комиссиях. Они публикуют несколько докладов по итогам изучения и свои предложения по мерам разрешения возникшей проблемы.

Что касается экономического курса, то японские специалисты единодушны в том, что успех зависит от правильного сочетания конкуренции и государственного вмешательства, исходя из конкретной обстановки. Красноречива в этом плане приводимая Певзнером мысль японского ученого Фурукава Синдзи. «По моему убеждению, для того чтобы обеспечить динамичный рост современного индустриального общества, мы должны соединить “невидимую руку” рыночной силы Адама Смита с силой, которую я бы назвал “видимой рукой” государственной политики, осуществляемой с пронизательным глубоким анализом и с достигаемым на его основе здравомыслием». При этом, как считает Певзнер, комментируя эту цитату, в наши дни рука рынка становится все более «видимой» и это позволяет шире и эффективнее использовать «руку государства». Но нужно подчеркнуть, что последнее возможно только при демократии.

В Японии послевоенные реформы начались с демократизации. Правда, в весьма специфической обстановке. До войны в стране царил жесткий полицейский режим. Были запрещены политические партии, профсоюзы, общественные организации. У руководства страны стояли милитаристы, управлявшие страной от имени императора, который в сознании японцев был богом на земле.

В годы весьма длительной, почти семилетней оккупации японцы получили сильную прививку демократии. Был до основания разрушен тоталитарный милитаристский режим и его опора «дзайбацу» – финансово-промышленные монополии. Одни из них были национализированы, другие раздроблены на мелкие компании.

Несмотря на то, что демократические принципы насаждались оккупационными властями насильственно, они были поддержаны всем населением и дополнены собственными культурными традициями. Уже в мае 1947 г. вступила в силу новая прогрессивная конституция страны со всеми атрибутами демократического государства. На ее основе были приняты законы и подзаконные акты, позволившие сформировать партийную структуру весьма широкого спектра, создать профсоюзы, отладить систему выборов на всех уровнях. В ходе межпартийных дискуссий, а часто и внутри отдельных партий шла борьба за избирателей, а с ней вырабатывался компромиссный, устраивавший большинство общенациональный курс в различных сферах: в экономике, образовании, в решении социальных проблем.

В этой борьбе формировались, объединялись, раскалывались, прекращали существование разные партии. Важно подчеркнуть, что борьба шла в правовом поле. Принятая в 1947 г. конституция действует без поправок и в наши дни. Лишь незначительные поправки внесены в принятый в 1949 г. Закон о выборах. В первые послевоенные годы в Японии было зарегистрировано более 200 политических партий. Но мелкие партии, не имевшие своего электората, быстро прекращали свое существование.

Осенью 1955 г. партийная структура в стране стабилизировалась. 13 октября объединились в единую партию левые и правые социалисты, сформировав Социалистическую партию Японии (СПЯ). Как бы в ответ на консолидацию на левом фланге, через месяц, 15 ноября две буржуазные партии – либеральная и демократическая, бывшие основными политическими силами в парламенте по числу мандатов, – образовали единую Либерально-демократическую партию (ЛДП). Демократия в Японии победила полностью и окончательно. Важным фактором было то, что в стране сформировалось гражданское общество, которое основывалось на праве, полной независимости судебной власти, на демократии, а главное – на высокой политической культуре и активности членов общества, на принципе «государство – слуга общества».

Фактически во второй половине 50-х годов в парламенте Японии остались только две политические партии – ЛДП и СПЯ, с антагонистическими программами. Алексей Иванович Сенаторов, который тщательно проанализировал документы японских политических партий, подчеркивал: «В конечном счете, программа, – это лицо политической партии, она отражает ее характер и сущность даже тогда, когда покрыта слоем грима и ретуши»⁷.

15 ноября 1955 г. на учредительном съезде ЛДП было принято несколько программных документов. В главном из них – «Политическая программа партии» – ЛДП провозглашалась «прогрессивной политической партией», которая, «сохраняя правильные традиции и порядок, неизменно идет вперед, отвечая требованиям времени, реформирует современную действительность, искореняет зло». Как в этом, так и во всех принятых позднее программных документах ЛДП, декларировался ее «народный характер», подчеркивался ее «внеклассовый подход», провозглашалась идея достижения общего согласия, «сотрудничества труда и капитала» – все это во имя «построения государства благосостояния» при «обеспечении полной занятости» на основе «свободного предпринимательства».

В то же время, как отмечает А. Сенаторов, выдвигая лозунг «построения государства благосостояния», либерал-демократы заявили об «отрицании как социалистической экономики, так и монополистиче-

⁷ Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995, с. 8. Ниже все цитаты из документов японских партий взяты из этой монографии.

ского капитализма»⁸. Эта программа оценивала монополистический капитализм как зло. Государство благосостояния ЛДП предлагала строить «на основе свободного предпринимательства», содействия расширению производства путем придания ему «комплексного планового характера» и одновременного проведения «сильной политики социального обеспечения».

Программа, принятая на объединительном съезде СПЯ, была весьма краткой. По мнению Сенаторова, это было следствием компромиссов при ее выработке, рядом уступок друг другу как левых, так и правых сил в партии. Мировой капитализм, утверждалось в программе, «вступил в период тяжелого, системного кризиса», «уже исчерпал свою историческую миссию», «должен уступить место новому строю – социализму путем мирной демократической революции». В то же время в программе указывалось, что «коммунистический лагерь успешно развивал собственную экономику..., расширил сферу своего преобладания». Однако социалисты поддерживали позиции «коммунистического лагеря» с существенными оговорками.

Например, в программе говорилось, что коммунизм при продолжительном существовании «фактически приводит к подавлению демократии, отрицанию права на свободу личности и достоинство человека». В международной напряженности социалисты обвиняли не только империалистический лагерь, но и рецидивы коммунистического курса на «мировую революцию». Прямо говорилось о необходимости «преодоления коммунизма».

СПЯ в своей первой программе декларировала, что является «классовой партией трудящихся масс», прежде всего, рабочего класса, затем крестьян, рыбаков, мелких и средних предпринимателей, интеллигенции. СПЯ намеревалась взять власть мирным, демократическим путем, завоевав абсолютное большинство в парламенте. Правда, позднее, осознав, что такое развитие событий маловероятно, взяла курс на формирование коалиционного правительства из партий оппозиции. Повышение жизненного уровня мыслилось путем подъема производительных сил «на основе обобществления важнейших отраслей промышленности и их планового развития». Вместе с тем отмечалось, что «социализм не означает полной отмены свободы частного предпринимательства и права собственности»⁹. Для полноты картины следует упомянуть еще и о программе коммунистов. Курс революционной борьбы, предлагаемый КПЯ еще с периода оккупации, отвергался избирателями безоговорочно. В годы оккупации коммунисты повышали свой авторитет у избирателей за счет провозглашения «борьбы за национальную независимость». Пик популярности КПЯ пришелся на январь 1949 г., когда на выборах партия

провела в парламент 35 депутатов и получила поддержку 10% избирателей. Однако после принятия достаточно экстремистской «Программы 1951 г.» партия фактически утратила доверие избирателей. В программе отрицалась возможность «мирного пути освобождения и демократического преобразования Японии».

Иными словами, коммунисты не видели возможности своего прихода к власти парламентским путем. В практических делах КПЯ начал проявляться «военный курс», создание в горах баз и формирований самообороны из крестьян. Все это не находило понимания у граждан, поскольку совершенно не отвечало их интересам. Лишь после отказа в 1958 г. от «Программы 1951 г.» КПЯ начала восстанавливать свои позиции. Однако она упорно сохраняла в программных документах положения о «диктатуре пролетариата», «обобществлении средств производства и социалистическом плановом хозяйстве, дающем возможность безграничного развития производительных сил» как основных средств обеспечения построения социализма. Влияния в парламенте коммунисты практически не имели, до конца 1960-х годов в обеих палатах у них было около полутора десятка депутатов. Еще одна небольшая Рабоче-крестьянская партия левой ориентации влилась в СПЯ 16 января 1957 г.

Первые же выборы в парламент так же, как и последующие выборы до 1993 г., показали полную поддержку избирателями программы ЛДП. В то же время СПЯ утрачивала свои позиции, несмотря на неоднократные корректировки своих программных документов. Призывы к социалистическим преобразованиям не находили поддержки у избирателей, хотя бы потому, что в ходе достаточно представительных опросов 80–85% населения уже в конце 1960-х годов стали относить себя к среднему классу. Это означает, что при сравнительно высокой образованности и сохранявшемся значительном влиянии социалистических идей подавляющее большинство населения уже не относилось к числу эксплуатируемых¹⁰. СПЯ, учитывая это, начала менять курс на социал-демократический, но это не помогало.

До 1993 г. ЛДП и СПЯ оставались главными силами в парламенте, хотя иногда небольшие группы политиков, которые были не согласны с генеральными линиями ЛДП и СПЯ, покидали их ряды и формировали так называемые «партии среднего пути» – Партия демократического социализма, Новый либеральный клуб, Социал-демократический союз совокупно имели несколько десятков мест в парламенте. Уже по названиям этих партий можно видеть, что наибольший урон при этом несла соцпартия. К партиям «среднего пути» относятся и клерикальная партия «Комэйто», сформированная в ноябре 1964 г. при поддержке буддийской секты Сока гаккай. После 1965 г. она имела в обеих палатах

⁸ Там же, с. 11.

⁹ Там же, с. 25.

¹⁰ Певзнер Я. А. Политический фактор в современном конкурентно-рыночном хозяйстве..., с. 84.

парламента от 45 до 70 мест, в ключевой нижней палате – от 25 до 57 мест. У «Комэйто» был свой достаточно стабильный электорат.

Почти четыре десятилетия до весны 1993 г. ЛДП удерживала большинство в нижней палате парламента и формировала однопартийные правительства. Но назревал кризис в самой ЛДП. Длительное пребывание у власти привело к развитию коррупции и самоуспокоенности в ней. По этой причине из ЛДП вышли заметные фигуры и сформировали свои партии. ЛДП утратила большинство в парламенте, а семь из восьми партий, имевших в то время мандаты в парламенте, смогли договориться о формировании коалиционного правительства.

Но связующих факторов в коалиции было очень мало, слишком разные по политическим взглядам были входившие в нее партии. ЛДП же оставалась самой многочисленной партией в парламенте, хотя и не имела большинства. Менее чем через год либерал-демократы нашли и затем без труда находили союзников среди оппозиционеров. ЛДП начала формировать коалиционные кабинеты.

Таким образом, ЛДП, находившаяся у власти с 1956 г., единолично определяла экономический курс. Доверие избирателей завоевывалось и поддерживалось тем, что партия в полной мере выполняла обещания, которые она давала в своих программных документах, не пытаясь что-то прикрыть «слоем грима и ретуши», в том числе и в плане выполнения своего экономического курса. Певзнер в своей работе раскрывает особенности этого курса, но начинается с теоретических выкладок, с утверждения, что «методологической основой экономической науки является не столько диалектический материализм, сколько позитивизм»¹¹. При этом связанность экономики и политики, роль нерыночных факторов, привели к тому, что резко усилилась необходимость учета и обращения к национальной специфике. Япония привлекает к себе в этом плане особый и, без преувеличения, всемирный интерес, писал Певзнер¹².

В подтверждение этого интереса приводится тот факт, что при международном научном центре «Восток-Запад» в Гонолулу в 1982 г. был создан специальный Японо-американский исследовательский центр по проблемам политической экономики Японии. В 1987–1990 гг. центр выпустил трехтомный труд японских и американских ученых «Политическая экономика Японии». Каждая страница этого фундаментального труда, комментирует Певзнер, проникнута вполне обоснованной концепцией о неразрывности экономики и политики во всем их многообразии.

Певзнер приводит обширную цитату из статьи руководителей авторского коллектива о трудностях, с которыми столкнулись исполнители. «Вся работа проникнута политико-экономическим подходом, но и этого было недостаточно. Для того чтобы учесть действие социальных и

культурных переменных, из которых одни существенно изменяются, другие важны именно вследствие своего постоянства, требуется широкий, междисциплинарный аналитический подход». И даже в том случае, «когда речь идет лишь о политико-экономическом подходе, возникает необходимость выйти за пределы общепринятой классификации научных дисциплин».

Певзнер в своем анализе подводит читателя к выводу, что «рука рынка становится все более “видимой”». А регулирующий фактор, «формируясь в хаосе непрерывной, острой политической борьбы с непредсказуемыми результатами, во многих отношениях носит скрытый, невидимый, зачастую с трудом обнаруживаемый и не поддающийся точному описанию характер». Это, по мнению Певзнера, можно видеть по содержанию и стилю экономической литературы, из которой можно почерпнуть богатую информацию о рыночных факторах, тогда как экономико-политический анализ и прогнозы зачастую носят характер неточных описаний и смутных догадок»¹³. Как пишет Певзнер, экономический анализ стал сложнее. Отказавшись от прежних постулатов, прежде всего от утверждения, что частная собственность означает эксплуатацию, а общественная – ее отсутствие, экономическая теория XX в. обратилась к анализу многих категорий и переменных, таких как затраты и результаты, цена и стоимость, разные виды собственности и управления, монополия и конкуренция, прибыль и убытки и многое другое.

Все рассматривается в плоскости оптимизации функционирования экономики страны, прежде всего соотношения монополии и конкуренции. При этом, как никогда в прошлом, трактовка экономической теории как политической экономии не была так оправдана, как в послевоенные годы, считает Певзнер. Далее он пишет, что именно во время послевоенного экономического бума в ФРГ родился афоризм, отражающий функционирование экономики этой страны и ставший общепринятым во всем мире: «Конкуренция – везде, где возможно, регулирование – везде, где необходимо». Однако весьма сложно найти грань, где преимущества рынка, свободной нерегулируемой конкуренции исчерпаны, и возникает необходимость управления, пишет Певзнер.

С уверенностью можно констатировать, что все послевоенные годы руководство Японии в лице Либерально-демократической партии успешно находило эту грань, но с некоторой поправкой афоризма. Руководство не подходило к грани, а с самого начала осуществляло жесткое государственное регулирование практически во всех сферах ради эффективного сбалансированного развития индустрии, но при этом регулируя и развивая конкуренцию.

После войны Япония переживала экономический коллапс. Была утрачена четверть машиностроительных мощностей, разорваны внешние

¹¹ Там же, с. 71.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 76.

коммерческие связи, более 7 млн. граждан страны, демобилизованные и репатрианты, возвратились в Японию, что резко обострило проблему с трудоустройством. Решение ряда сложных проблем было невозможно без комплекса разнообразных административных мер. И здесь, как до войны, продолжала играть важную роль «видимая рука», государственное регулирование. Главной целью государственного регулирования стало содействие экспортноориентированной экономике как основы развития страны.

Это хорошо видно в сфере финансов, где был установлен жесткий контроль со стороны государства за внешними операциями. Все они осуществлялись через Экспортно-импортный банк, который как с экспортерами, так и с импортерами вел расчеты в иенах по твердому курсу 360 иен за доллар. Иными словами, экспортер не получал валюту. А те, кому она была нужна для закупки сырья и оборудования, обращались с заявками в банк, который и определял приоритеты, исходя из общегосударственных задач. В 1964 г., после вступления в МВФ, Япония сняла ряд ограничений по текущим расчетам с заграницей. Нельзя не указать, что с 1949 г. Банк Японии удерживал курс национальной валюты явно заниженным – 360 иен за доллар. Лишь в 1971 г. иена стала конвертируемой, да и то в связи с крахом Бреттон-Вудской системы, отказом США от обмена долларов на золото по официальному курсу.

В промышленности была сильная отраслевая регламентация, включавшая лицензирование доступа и согласование капиталовложений на расширение производства с учетом поддержания баланса спроса и предложения. Имела место и регламентация цен, например на рис. В 1960-х годах, когда в Японии был мощный экономический подъем, регулирующие нормы не снимались. Скорее наоборот, вводились новые нормы для предотвращения перегрева экономики и защиты национальных компаний даже в период экономического бума.

В 1962 г., например, был принят так называемый Нефтяной закон. С конца 1950-х годов нефть, дешевая и удобная в транспортировке, становилась основным сырьем для энергетики, развивалась нефтехимия, началась автомобилизация страны. Закон поставил нефтепереработку под жесткий контроль правительства. Нефтяные компании принудительно допускались только в сектор переработки нефтепродуктов и не могли заниматься нефтехимией. Это защищало зарождавшуюся национальную нефтехимию от перехода в руки американских нефтяных компаний, которые доминировали в японской нефтепереработке.

Однако в 1970-х годах после первого «нефтяного кризиса» стало ясно, что в новых условиях регламентация, подавляя конкуренцию, сдерживает темпы роста экономики. Наиболее заметным шагом при проведении Административно-финансовой реформы 1979–1985 гг. стала приватизация крупных государственных корпораций, в том числе и государственных железных дорог. Многие законы были пересмотрены в сторону

либерализации. В 1981 г. в Нефтяном законе было отменено согласование инвестиционных программ, ослаблен ряд других регламентаций. В 1987 г. был пересмотрен Закон о воздушном транспорте, действовавший с 1952 г. В новом его варианте регламентация была сведена к необходимому минимуму, прежде всего, в интересах обеспечения безопасности. Такая же картина наблюдалась и в других отраслях и сферах экономики.

Певзнер обращает внимание на то, что «в Японии преобладает тенденция к дальнейшей денационализации, к повышению и без того высокого удельного веса частного предпринимательства». Тем не менее, делает вывод Певзнер, никогда, ни на каких этапах своего буржуазного развития, «японское государство, не располагавшее большой собственностью, не оставалось нейтральным или пассивным по отношению к подавляющему по своей массе частному предпринимательству. Не остается оно таковым и сейчас». Государство осуществляло и осуществляет управление нефинансовыми корпорациями на отраслевом и более высоком уровне в основном в стратегическом плане мерами индикативного характера», т. е. сохраняло контроль над обстановкой¹⁴.

Государство не только контролировало, но и активно вмешивалось в экономические процессы. Например, уже с конца 1940-х годов начали разрабатываться государственные программы судостроения. При государственном финансировании на верфях страны размещались заказы на строительство судов, которые передавались судоходным компаниям в кредит под низкие проценты и с большой рассрочкой платежей. Это позволяло развивать как национальные судостроительные, так и судоходные компании. Госзаказы, как главное средство воздействия государства на обстановку в судостроении, сохранялись до конца 1970-х годов.

Средства для регулирующего воздействия со стороны государства есть и сейчас, и постоянно действующие и пускаемые в ход только тогда, когда возникает необходимость, пишет Певзнер. Он отмечает, что в мире Япония окружена ореолом страны, «более широко чем другие страны “применяющая невидимые меры государственного регулирования” с юридически неуловимой, но не вызывающей сомнений национальной, монополистической по своей природе солидарностью японского бизнеса в противостоянии иностранному капиталу»¹⁵.

В какой-то мере это справедливо в отношении нефинансовых корпораций и еще в большей степени – сферы кредита, где «стратегический и скорее директивный характер управления сочетается с оперативным»¹⁶. Распорядительные меры в сфере кредита были направлены

¹⁴ Там же, с. 84.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

на то, чтобы повышать общий объем сбережений и концентрировать их не в ценных бумагах, а в банковских депозитах.

Тем самым сбережения обретали государственную гарантию и в то же время попадали под государственный контроль. Для банков устанавливались нормы резервов и размеры процентных ставок. По многим видам кредитов банковские чиновники обязаны были руководствоваться не только состоянием дел заемщика, конъюнктурой, но и «директивами правительства и центрального банка». Это, по мнению Певзнера, представляло собой «что-то похожее на административно-командные методы. Но в условиях преобладания частной собственности и свободного рынка такая система выполняла положительную, стабилизирующую роль»¹⁷. Именно это позволило Японии с меньшими потерями преодолеть в 1973 г. первый «нефтяной кризис», и практически без последствий пройти второй в 1979 г.

Послабления в ходе начатой в конце 1970-х годов административно-финансовой реформы в 1985 г. затронули и сферу кредитного контроля, что развязало руки частным корпорациям и ускорило мобилизацию капитала при помощи выпуска акций. Доля облигаций и акций в общем объеме привлеченных средств крупных предприятий в обрабатывающей промышленности Японии поднялась с 10,6% в 1980 г. до 59% в 1986 г.

Напряженность, вызванная нефтяными кризисами, была снята, но оборотной стороной стали крупные вложения не только в акции, но и в недвижимость. Весь этот неоправданный бум в конечном итоге привел к обвалу курса акций и получил название «мыльного пузыря». Анализируя природу «экономике мыльного пузыря» и возможные последствия, Певзнер приходит к выводу, что «защитные сооружения, созданные обществом, оказались достаточно надежными для того, чтобы надвинувшийся спад не превратился в стихийное бедствие» и чтобы «при этом не пострадала “природная среда” в виде рынка, конкуренции, собственности»¹⁸. Напомним, что это было написано в 1995 г.

Россия находится в стадии реформ и преобразований. Телевидение, газеты заполнены критикой практически всех нововведений, во многом справедливой. У нас формируется своя «природная среда» в виде рынка, конкуренции, собственности. Япония прошла этот этап и ее опыт для нас бесценен. За одно десятилетие, как показано выше, она вывела свое судостроение на передовые позиции в мире. Почему же нам нельзя часть бюджетного профицита использовать для заказов верфям рыболовных судов и передачу их в льготную аренду нашим рыбакам при одном условии – сдавать улов в российских портах или на российские плавбазы?

Обидно, когда труды наших ученых, политологов и экономистов-международников проигнорированы политиками. Судьбоносные реше-

ния в России все еще принимаются келейно и по принципу «мне так видится», «мне так кажется».

Как принимаются решения в Японии – отдельная тема. Многие принципы этого процесса раскрываются в коллективной монографии, написанной сотрудниками Института Дальнего Востока РАН¹⁹. В предисловии монографии подчеркивается, что задачи, которые решаются в ходе японских реформ, во многом схожи с задачами российских реформ. В монографии рассматриваются итоги политической и административной реформ, новые моменты «реформы регулирования», бюджетной реформы, что делается для нормализации работы банковской системы.

Отдельные главы посвящены реформам в сфере социального обеспечения, судебной системы, в системе образования. Каждая системная реформа начинается с формирования специальных исследовательских органов. Например, когда назрела необходимость реформы системы образования, при правительстве был создан Национальный совет по реформе образования в составе 25 специалистов высокой квалификации, кандидатуры которых были отобраны премьер-министром и одобрены парламентом. За три года совет опубликовал три отчета. В первом из них были определены целевые установки, в двух других даны конкретные рекомендации: поворот от равных возможностей «к раскрытию многообразных индивидуальных способностей личности» и «адаптация к новым международным условиям». В результате, у японской общественности сформировалась полная ясность в том, что и почему необходимо менять.

* * *

Все послевоенные годы экономика Японии реформируется, при этом меняется соотношение в ролях «видимой» и «невидимой» руки в продвижении к главной цели – формированию демократического, буржуазного, но с человеческим лицом, государства.

Может ли японский опыт достаточно успешного нахождения баланса между «видимой» и «невидимой» рукой в экономике использоваться в России? Безусловно, это возможно, но начинать следует с внедрения на всех уровнях демократических принципов, уважения законов, добиваться прозрачности работы административных органов. Это – как минимум. Только на этой основе можно ожидать оптимальной действенности сочетания «видимой» и «невидимой» руки. При этом целью государственного регулирования должно быть развитие конкурирующего начала и борьба с монополистическими тенденциями.

¹⁷ Там же, с. 85.

¹⁸ Там же, с. 86.

¹⁹ Реформы современной Японии (1994–2006 гг.). М., 2008.